

вольства. Наблюдающееся в стране повсеместное недружелюбие к власти обусловлено не столько политическими, сколько экономическими причинами. Народ хочет не столько народоправства, сколько хлеба.

Как бы то ни было, с точки зрения национальной России нынешний сдвиг большевизма следует искренно приветствовать. Сохраняя «сильное правительство», нужное для страны, он ее избавляет, наконец, от тисков доктринерской и утопической, чуждой ей хозяйственной системы.

Есть много оснований думать, что, раз став на путь уступок, советская власть окажется настолько увлеченной их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будут для нее уже невозможны. По-видимому, именно с этим аргументом и выступает против «новой тактики» Ленина левая, «правоверная» группа. Но если такой аргумент в какой-то мере действителен против Ленина, то с точки зрения интересов страны он абсолютно невесом: страна и не заинтересована в возвращении к ортодоксальному коммунизму.

Все будет в конечном счете зависеть от «темпа развития мировой революции».

Советская власть вступает в новую фазу своего существования. Нынешний год должен принести ответ на основной вопрос современности: суждено ли России восстановить свою экономическую мощь, сохраняя в то же время свое политическое единство, удельный вес великой державы?..

Наша генеалогия. (По поводу статьи А. В. Карташова)

А. В. Карташов¹ поместил в «Новой Русской Жизни» любопытную статью «Истоки соглашательства»². Она подходит к вопросу с оригинальной, но со своей вполне законной точки зрения. Она любопытна, эта статья, проводимым ею метким сближением «государственной лояльности» новых «соглашений из стана подлинных культурных антибольшевиков» с такою же лояльностью прежних столпов «кабинетной науки и государственной службы». Тут автор не без основания замечает своеобразную преемственность духа и традиций.

Ну, что же, нам незачем отречься от наших предков по духу и даже «родовой биографии». Вслед за А. В. Карташовым мы не бросим

в них камня. Они были «действительными статскими советниками кабинетной науки и государственной службы». Пусть так. Мы не видим в этом ничего плохого. Именно этими людьми крепла русская земля, росла «Великая Россия». Именно они непрерывным скромным трудом и упорным опытом поколений создавали русское государство, утверждали гранитным фундаментом великодержавный Петербург, «на темной окраине мира, среди морозных туманов и льдов» вознесшийся манием гения, «из тьмы лесов, из топи блат»...³

Если мы тоскуем по «старой мощи России» (а мы тоскуем по ней!), если мы чтим память «Петра Алексеевича Романова и Александра Сергеевича Пушкина», то не следует ли нам вместе с этими великими тенями почтить и сонм тех «тихих специалистов культурного служения», которые были основой Петрова дела и которых с «детской резвостью» ныне готово записать в «обыватели» наше «ореволюционенное» поколение?..

«Искренне разделяя либеральное мировоззрение, они не потрясались уродливостям противоречащей ему действительности» — презрительно отзывается о них А. В. Карташов. Однако так ли уже заслуживают они за это презрения?

Вожди «чувствительной» интеллигенции, хорошо знавшие «общественный ригоризм и морализм», после опыта нашей первой революции вернулись в «Вехах» к началам, столь резко ими «потрясавшимся». Поза перманентного стояния «воплощенной укоризною» перед отчизной перестала их удовлетворять. Они научились отделять «государство» от «начальства» и «отечество» от «его превосходительства». Они порвали с тем «банальным радикализмом», который настолько «выбивает людей из тихой колеи специальности в бурный поток оппозиции и революции», что лишает их всякой почвы, всякого «фундамента», превращает их в листья, оторванные от родимой ветки... И не подошли ли они тем самым вплотную к тем генералам культуры и государственности, которые, будучи либералами (в лучшем смысле этого слова) по духу, не умели в то же время воспламеняться, подобно ракетам, от каждой отрицательной черты старого режима. «Легко воспламеняются лишь сухие сердца...»

Если дух государственной дисциплины и лояльности есть обывательщина, то да будет она благословенна! Если «героизм» есть пустоцветный и бесплодный «моральный» (в гегелевском смысле) протест, то спаси нас Бог от этого героизма!

Страшными словами нас не запугаете. Мы — бывалые воробьи, несмотря на нашу «наивную молодость», и у нас слишком хорошая

школа («Вехи», две революции), чтобы можно было нас провести на старой интеллигентской мякине «оппозиции и пафоса гнева...»

Ведь именно питание этой мякиной и привело страну к большевизму, на «пафосе гнева» возросшему и лишь теперь его диалектически преодолевающему. Что же, ужели снова его возрождать?.. Но тогда, пожалуй, выйдет, что в плоскости политической идеологии, как и психологии, «соглашатели» и «примиренцы» окажутся несравненно более чужды «чистому большевизму», нежели его «непримиримые до конца» враги...

Ужасы и безобразия революции лучше всего учат «спокойствию духа, свойственному кабинетному академизму»: они постигли Россию не оттого, что в ней жил этот дух, а оттого, что его было слишком мало. И убьет все эти ужасы и безобразия не «гипертрофированный общественный морализм» (их духовный отец), а «спокойный и расчетливый рассудок» деловых «спецов», умеющий, как и встарь, способствовать хоть какому-то активному сбережению и наращиванию «новых клеточек жизни», изыскивая в действительности «крупницы добра и возможные пути эволюции к лучшему будущему».

Да, мы научились отличать отечество от большевистского «превосходительства», как вместе с первым поколением «веховцев» отличали его от царского. Прекрасно понимая значение и исторический смысл «революционных разрывов с данной действительностью», мы видим, что теперь более, чем когда-либо, родина страдает от таких «разрывов». Поэтому мы им определенно предпочитаем «связи».

Революционная буря имеет рядом с безобразиями свои прелести и рядом с ужасами свою правду. В плане философии истории это нетрудно вскрыть и заметить. Но май революции, как и май жизни, цветет лишь раз. Не пытайтесь же делать весну в сентябре! Фальсифицировать историю столь же бесплодно, как и природу.

Карташов жалуется нам титул мальчика из андерсеновской сказки, впервые громко заявившего, что король эмиграции гол⁴. Мы готовы с благодарностью принять этот титул. Имейте только в виду, что если следовать сказке до конца, то и после парадоксального возгласа мальчика «все окончательно убедились, что король и в самом деле гол...»

При всем этом нельзя не отметить решительного противоречия, в которое впадает почтенный публицист, характеризуя «интересующую его группу соглашателей». То он наделяет ее «неудержимой человеческой фантазией» и даже противопоставляет ее болтливую «опьяненность» молчаливой трезвости каких-то «политических лидеров». То, напротив, — и в этом словно центр тяжести его статьи, — он обличает в ней «спокойный и расчетливый рассудок» и сердце, не умеющее биться паче меры, а тем более разрываться на части...

Статья сильно теряет от этого досадного противоречия. Быть может, оно обусловливается пренебрежением автора к «хитросплетениям лукавого рассудка»?.. Но тогда уж вообще лучше отказаться от всякой рациональной аргументации.

Еще два слова о «модернизме» в молодом академическом поколении. Если «радиоактивное ницшеанство»⁵ его коснулось с какой-нибудь стороны, то только с той, что вытравило из него «враждебный государству дух», свойственный старому позитивному поколению с его «терпкой моральной солью». Ницшеанство же в собственном смысле тут не при чем.

Государство имеет свою логику, свою «нравственность», принимаемую с нормами индивидуальной морали лишь на известной метафизической высоте. Государство в некотором отношении неизбежно «потусторонно к добру и злу», ибо его «добро» (а оно есть, и вполне реально) — в иной, несколько более углубленной или возвышенной плоскости. Я позволил бы себе по этому поводу припомнить прекрасные статьи гг. Муретова⁶ и Струве (их полемику с кн. Е. Н. Трубецким⁷) о «морали и патриотизме», печатавшиеся в «Русской Мысли» в эпоху войны⁸. Большой вопрос, что более «пресно», личный ли «морализм», или мнимый «аморализм» государственной идеи. Но, разумеется, это тема, которая требует особого обсуждения.

...Итак, во всяком случае, можно глубоко поблагодарить А. В. Карташова за его интересную статью: установив духовную генеалогию нашей государственной позиции, он ее укрепил серьезным «аргументом от истории».

«Редиска»

Теперь, по свидетельству приезжающих, это один из самых распространенных терминов в Советской России. Им обозначается огромная категория, подавляющее большинство советских служащих и даже известная часть официальных членов правящей коммунистической партии. Он прилагается иногда и к государству в его целом. Честь изобретения его принадлежит самому Ленину, и он прочно усвоен советскими гражданами.

Редиска. Извне — красная, внутри — белая. Красная кожица, вывеска, резко бросающаяся в глаза, полезная своеобразной своей